

— Брат... я скучаю по папе и маме.

Летним вечером веял прохладный ветерок, разгоняя остатки дневного зноя. На веранде тихого заднего двора поместья Убуяшики семейство сгрудилось вместе, глядя на звёздное небо.

Бывший глава организации истребителей демонов, тяжело больной Убуяшики Нагисая, полулежал на подстилке, опираясь на плечо своей супруги, госпожи Амане.

Нынешний глава, двенадцатилетний Убуяшики Кагая, в котором уже проступала спокойная и рассудительная натура, позволял маленькой фигурке — Убуяшики Чие — крепко прижаться к своему неширокому, но удивительно надёжному плечу.

Чие жила в этом доме меньше месяца. После того как её спас Ренгоку Шинджуро, она долгое время металась в сильном жаре и беспмятстве от перенесённого ужаса и потрясения — госпожа Амане не отходила от неё ни на шаг, ухаживая за больной.

Когда девочка очнулась и столкнулась с ледяной реальностью того, что родителей больше нет, она долго плакала, словно желая выплакать всю накопившуюся скорбь и страх. Тогда Нагисая и госпожа Амане не стали произносить много утешительных слов. Они просто молча сидели рядом, держали её за руки, своим безмолвным присутствием давая понять: ты больше не одна.

Сейчас небосвод, казалось, был готов вобрать в себя все земные печали. Чие уже почти не рыдала в голос, как в первые дни, но эта тихая, беззвучная скорбь ранила сердце куда сильнее. Она всё ещё не привыкла называть Нагисаю и Амане «отцом» и «матерью», и они никогда не принуждали её к этому, одаривая лишь полной мерой принятия и заботы.

Единственное, к чему она привыкла быстро — это обращение «брат». Вероятно, потому что Кагая был ненамного старше её, всегда терпеливо с ней беседовал, знакомил с каждым растением в саду, а когда ей снились кошмары, зажигал свет и тихо читал сказки.

Услышав тоску в голосе сестры, Кагая почувствовал, как сердце сжалось от боли. Он слишком рано взвалил на себя бремя ответственности за семью и привык к сдержанности, но почти никогда не сталкивался с таким искренним и детским проявлением чувств. Он инстинктивно обнял Чие за узкие плечи, не зная, как словами исцелить её глубокую рану от потери родных.

В этот момент мягкий голос госпожи Амане пронёсся, словно ночной ветер:

— Чие, посмотри, какие яркие звёзды на небе.

Девочка подняла личико к тёмно-синему небосводу, усыпанному бесчисленными мерцающими искрами. Она кивнула, и её золотистые волосы нежно заблестели в лунном свете.

— Говорят, что, когда добрые и смелые люди покидают нас, они превращаются в звёзды, —

госпожа Амане ласково погладила Чие по волосам. — Господин Киёши и госпожа Сузуран наверняка стали двумя из них. Они там, наверху, и всегда присматривают за тобой. Стоит лишь поднять голову, и ты сможешь с ними увидеться.

— Звёзды? — Чие непонимающе захлопала глазами, с длинных ресниц которых ещё не успела испариться влага. — Тогда... папа и мама, какая из них?

Госпожа Амане улыбнулась:

— Та, которую ты замечаешь первой, глядя в небо, та, что кажется тебе самой родной и яркой — это они и есть.

Чие на мгновение замолчала, нахмутив тонкие брови, а затем вдруг спросила:

— Госпожа Амане, а господин Убуяшики... тоже станет звездой? — она шмыгнула носом, и голос её упал до шёпота. — От него пахнет горькими лекарствами, совсем как тогда, перед тем как папа и мама ушли... У меня внутри всё сжимается от страха.

Воздух будто застыл. На красивом лице госпожи Амане промелькнула нескрываемая печаль; она приоткрыла рот, не зная, как ответить на прямой вопрос ребёнка. Мужчин рода Убуяшики прокляли, их жизнь была недолгой, и то, что силы Нагисаи были на исходе — неоспоримый факт. Но как объяснить ребёнку, только что потерявшему родителей, о грядущем расставании?

— Чие... — сдавленный кашель прервал тишину. Это был Нагисая.

Он с трудом выровнял дыхание, его бледное лицо в лунном свете казалось почти прозрачным, но взгляд, обращенный к Чие, оставался мягким и добрым, наполненным спокойствием ночного неба.

— Каждая звезда... она особенная. Их свет... цвет, яркость и даже то, как они мерцают... всё разное. Когда придёт время... кхм-кхм... ты обязательно... узнаешь нас... обязательно...

Голос его был слаб, но обладал удивительной силой утешения. Чие не до конца всё поняла, но сосредоточенно устремила взор в небо. Она долго вглядывалась в россыпь светил, пока вдруг не указала маленьким пальчиком ввысь:

— Вот! Вон та, а рядом ещё одна, поменьше! Это папа и мама! Они вместе!

Её тон становился всё увереннее, с детской настойчивостью, где воображение смешивалось с верой.

— Когда господин Убуяшики тоже станет звездой, я обязательно узнаю вас! Ведь... ведь ваш

свет наверняка очень нежный!

Уголки губ Нагисаи с трудом дрогнули, а в глазах блеснули слёзы облегчения:

— Как быстро... ты нашла нас... наша Чие... такая молодец...

Кагая молча слушал, прижимая сестру к себе ещё крепче, словно пытаясь передать ей своё тепло. Звёзды на небосклоне тихо мерцали, становясь свидетелями этого момента.

Время текло незаметно в тревогах и молитвах. Состояние Нагисаи резко ухудшилось, и дом Убуяшики наполнился горьким ароматом лекарств и тяжёлой атмосферой. Чие стала невероятно тихой, часто проводя время в углу неподалёку от спальни Нагисаи. Она не шумела и не плакала, но в её глазах, унаследовавших цвет материнских, застыла не по годам глубокая тревога.

Тот день всё же настал.

Утренний свет не принёс надежды. Чие проснулась от необъяснимой боли в груди и босиком побежала в главный дом. Приоткрыв сёдзи, она увидела сцену, которую не забудет никогда: госпожа Амане очень бережно, словно касаясь хрупкого сокровища, протирала полотенцем щёки и руки неподвижно лежащего на татами Нагисаи.

Кагая сидел рядом, выпрямив спину, бледный, с плотно сжатыми губами; на его юных плечах лежала тяжесть целой горы. Комнату окутала тишина конца. Чие вцепилась в дверной косяк, и её маленькое тело оцепенело.

Она увидела спокойное лицо Нагисаи, его глаза, которые всегда так тепло смотрели на неё, были закрыты, а грудь больше не поднималась. Ледяное осознание пронзило её детскую наивность.

Слёзы хлынули беззвучным потоком, мгновенно застывая взор; они катились по щекам и падали на гладкий деревянный пол, но она этого не замечала. Это не было тем всеокрушающим ужасом, который она испытала при потере родителей — скорее, тупая, тягучая боль, смешанная с беспомощностью перед очередной утратой.

Кагая заметил её, повернулся и подошёл, присев на корточки. Он достал чистый платок и осторожно вытер ей лицо, хотя его собственные глаза покраснели.

— Чие, не плачь, — его голос слегка охрип, но он старался сохранять спокойствие. — Отец просто... превратился в звезду. Вечером, когда стемнеет, я пойду с тобой в сад, и мы поищем его, хорошо?

Чие знала. Вскоре после того, как она оказалась здесь, госпожа Амане рассказала ей в понятных для ребёнка словах о жестокой судьбе рода Убуяшики. Она знала, что отец всегда болел и когда-нибудь уйдёт. Но знать и увидеть своими глазами — разные вещи. Это холодное, реальное расставание вновь разорвало её начавшее заживать сердце.

— Брат... — прошептала она, давясь рыданиями и размазывая по лицу слёзы. Взгляд её скользнул мимо Кагаи к лежащему на татами Нагисае и опустившей голову госпоже Амане.

Что-то внутри прорвало плотину. Два слова, неловко, но отчётливо, сорвались с её дрожащих губ:

— Отец... мама...

После этого шёпота, словно открылся затвор, она закричала громче, с надрывом:

— Отец! Мама!

Этот крик заставил плечи госпожи Амане мелко дрогнуть. Она подняла голову, и полные слёз глаза наконец пролились дождём, но, глядя на Чие, она одарила её печальной, бесконечно нежной улыбкой. Кагая крепко обнял девочку.

Проплакав в объятиях брата долгое время, Чие наконец затихла. В глубине её детской души начало кристаллизироваться что-то небывало холодное и твёрдое. Она подняла голову и, глядя на Кагаю сквозь затуманенные слёзами глаза, отчётливо, слово за словом, произнесла:

— Брат, я тоже хочу стать истребителем демонов.

Кагая замер. Голос Чие всё ещё дрожал, но в нём проступила железная решимость:

— Я хочу... стать сильнейшей. А потом... убить Кибуцуджи Музана.

Её маленькие пальчики крепко вцепились в рукав Кагаи, побелев от напряжения.

— Я не хочу больше смотреть, как умирает брат. И не хочу видеть... как кто-то ещё, как мама с папой, как... как папа Нагисая... уходят из-за демонов!

Кагая смотрел на пламя, горящее в её глазах. Глубоко внутри этого огня застыл лед, закалённый огромной скорбью. Он понимал, что это не минутный детский порыв, а причина, которую душа нашла для себя, чтобы жить и сражаться дальше после череды потерь.

Он не мог просто ответить: ты ещё мала или это слишком опасно. Ведь именно демоны отняли

у неё всё, что было дорого, и заставили снова увидеть разлуку в тот момент, когда она только обрела тепло.

После долгого молчания Кагая нежно погладил её по золотистым волосам и, наконец, произнёс низким, торжественным голосом:

— Чие, путь истребителя усеян терниями. Это путь Асуры, идущий рука об руку со смертью. Как только ступишь на него, пути назад не будет. Ты действительно всё обдумала?

Чие решительно кивнула, в её взгляде не было ни тени сомнения:

— Я хочу защищать. Защищать брата, маму, всех... защищать тех, кто не хочет терять близких.

Она сделала паузу, и голос её упал, словно она говорила сама с собой:

— Я... кажется, забыла, кого должна была защищать... поэтому я буду защищать всех.

Скрытый смысл этих слов Кагая тогда не понял до конца, но почувствовал решимость, тяжёлую, как клятва. Он посмотрел на мать. Госпожа Амане едва заметно кивнула ему; в её глазах, полных тревоги и нежелания отпускать, всё же нашлось место пониманию и поддержке.

— Хорошо, — Кагая глубоко вздохнул и взял Чие за маленькую холодную руку. — Я попрошу научить тебя основам дыхания. Но сможешь ли ты по-настоящему овладеть им, сможешь ли взять в руки клинок Ничирин — это зависит только от твоего упорства и... твоей судьбы.

<http://bllate.org/book/22382/2348107>